

В. А. Стеклов. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Серия «Научное наследство», т. XVII. Л.: Наука. Лен. отделение, 1991. — 374 с.

Выход XVII тома «Научного наследства», посвященного академику В. А. Стеклову (1864—1926), следует признать значительным событием в комплексе проводящихся у нас историко-научных исследований. По подобранному материалу, тщательности подготовки, обстоятельному комментарию он следует лучшим образцам серии, основанной С. И. Вавиловым, и по праву может считаться образцовым. Значение этой книги определяется тем, что с ее появлением существенно восстанавливается равновесие между значимостью фундаментальной (и колоритной) фигуры замечательного отечественного математика и государственного деятеля и тем местом, которое ему уделено в истории русской математики и, если брать шире, — русской культуры. При всей доброкачественности биографических материалов о Стеклове (небольшие книги о нем Г. И. Игнатиуса (1967), В. С. Владимировой и И. И. Маркуша (1981)) до сих пор о нем было написано очень и очень мало.

Структура рецензируемого сборника такова. Он открывается обстоятельным вступлением Е. П. Ожиговой. За ним следует сжатый обзор научной деятельности Стеклова (И. И. Маркуш). Основное место в книге (с учетом комментариев — около двух третей объема) занимает переписка Стеклова с отечественными математиками — с его учителем Александром Михайловичем Ляпуновым (она охватывает 1892—1918 гг.), коллегами: А. Н. Крыловым (1908—1926), Н. М. Крыловым (1907—1926) и А. А. Марковым (1909—1918). Переписка охватывает, таким образом, практически всю активную научную жизнь Владимира Андреевича — от того времени, когда молодой человек начал работать в Харьковском университете, и до года кончины его вице-президентом Академии наук СССР, директором Физико-математического института, профессором Ленинградского университета.

Стеклов предстает перед нами в зеркале публикуемой переписки, состоящей как из его собственных писем, так и писем, ему адресованных. Но в еще большей степени мы узнаем о нем, прочитав «Воспоминания», законченные в 1923 г. и изданные впервые. Органично в структуру книги входят примечания к письмам и воспоминаниям, развернутый именной указатель и список научных трудов Стеклова.

Переписка любых двух лиц дает как бы двойной портрет, знакомит читателя с обоними ее участниками. Если в случае с А. М. Ляпуновым и А. Н. Крыловым число писем к Стеклову и от него хотя бы приближенно рав-

но, то в переписке с А. А. Марковым и Н. М. Крыловым мы больше узнаем об этих математиках. Более всех близок Владимиру Андреевичу был, несомненно, А. М. Ляпунов, не только замечательный математик, но и человек, как мы получаем возможность узнать, высочайших душевных качеств. С ним Стеклов в наибольшей степени откровенен, ему он направляет подробнейшие отчеты о себе, своих научных работах, новостях университетской (Харьковской и Петербургской) жизни. Этот материал представляет бесценное свидетельство минувшей эпохи. В качестве одного из многочисленных возможных примеров назовем детальнейшее описание Стекловым событий 1905 г. в Харькове (Ляпунов в это время уже жил и работал в Петербурге): гражданская активность и прогрессивная позиция Владимира Андреевича в письмах этого периода видна очень ярко.

Глобальные события, которые могут служить неоценимым источником для историка эпохи (который в переписке найдет прямые свидетельства того, как воспринимала русская интеллигенция поворотные события и моменты в жизни своей Родины), перемежаются с живыми бытовыми деталями. Последние могут быть необычайно полезны писателю, собирающему материал об ушедшей эпохе.

Обилие таких подробностей жизни и быта особенно характерно для писем к Стеклову от А. А. Маркова, которого Октябрьская революция застала в глубокой провинции — городе Зарайске Рязанской губернии. Впрочем, разумеется, и в письмах Маркова внимательный читатель найдет много интересных строк, характеризующих тогдашние политические настроения. Один пример: 24 июля 1915 г. Марков пишет: «Легковерие и малодушие нашего, с позволения сказать, общества, меня всегда возмущало до глубины пяток. Опасения испортить на минуту свое благополучие заставляло большинство ублаживать себя розово-недепными мечтами, подлаиваясь добровольно наглому обману, сознательно развиваемому кучкой мародеров и предателей... Не одни правители во всем виноваты, но и все слабовольные и слабосильные слои, составляющие главную массу так называемых руководителей общественного мнения и общественных деятелей... Помоему, без диктатора не обойтись, да то беда, что и диктатора-то неоткуда взять! Жди Петра Великого, а он и носу не показывает» (с. 229).

Хотя А. Н. Крылов, по-видимому, не входил в число самых близких друзей Стеклова, оба математика по своим убеждениям, привыч-

кам, даже по языку своих писем были наиболее близки друг другу. Прежде всего это относится к их гражданской позиции. Примечательно поддержка ими новой власти (после октября 1917 г.), стремление свести к минимуму там, — где это было возможно для них, — отрицательные последствия ломки всего строя русской жизни, который начался с приходом к власти большевиков. Можно с уверенностью сказать, что Стеклов (как А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург и др.) очень много сделал для нормализации отношений советской власти с Академией наук, для получения помощи от власти науке и ученым. Он с первых месяцев, как и А. Н. Крылов (назовем в этом ряду еще А. Ф. Иоффе, П. П. Лазарева, О. Ю. Шмидта), встал на путь сотрудничества с советской властью, добился ассигнований на поддержку науки. Письма-рапорты Крылова Стеклову, написанные из Германии и Англии, — неоценимый источник для истории первых лет советской науки, восстановления ее связей с Западом.

Наименее интересна, по нашему мнению, переписка Стеклова с Николаем Митрофановичем Крыловым. Она наиболее насыщена математикой, которая, конечно же, присутствует и в письмах к другим коллегам Стеклова. За пределами же математики письма Н. М. Крылова довольно скучны.

Заслуживает всяческого одобрения осуществившаяся наконец публикация «Воспоминаний» Стеклова — яркой прозы, напоминающей написанные двумя десятилетиями позже «Мои воспоминания» А. Н. Крылова. Эта полная, без купюр публикация стала возможной только в новых условиях, в которых мы живем после 1985 г. Резкие, смелые оценки, даваемые Стекловым событиям февраля и октября 1917 г. (особенно см. с. 283—289), находятся в соответствии с тем, что мы в менее определенной форме могли прочесть в переписке. Нелицеприятная критика царского режима и действий кадетов, характеристики деятелей зачинавшегося на глазах Стеклова белого движения (которых он наблюдал, находясь летом 1917 г. на Кавказе), резкие замечания в адрес большевиков в сочетании с положительной оценкой многих их действий, — все это полезно прочесть сейчас, когда зачастую очень примитивно трактуется ситуация в России до и после 1917 г., когда предвзят и только одним цветом живописуют людей, стоявших за кулисами событий и во

многом определявших течение этих событий.

Нет смысла (и места) подкреплять сказанное цитатами; роль рецензента в этом случае сводится к призыву прочесть эту интересную и поучительную книгу, давно уже, впрочем, исчезнувшую с прилавков: ее тираж традиционно ничтожен (1000 экземпляров).

Разумеется, у столь большого труда (объем сборника — 35 п. л.) не может не быть недостатков, сразу скажем — незначительных. Уже говорилось, например, что письма Н. М. Крылова не очень интересны для широкого читателя: слишком математичны. Может быть, их следовало заменить перепиской Стеклова с его прославленным учеником — А. А. Фридманом, творцом «расширяющейся Вселенной». Эта переписка публиковалась ранее, но и большие фрагменты писем Н. М. Крылова тоже уже были напечатаны. Однако письма Фридмана и Стеклова — такой сильный материал!

Хорошо, что в книге приведен список трудов В. А. Стеклова (хотя в него и не включены его газетные статьи). Все же хотелось бы иметь рядом с ним основные даты жизни и деятельности ученого, даже если это и не соответствует традициям серии «Научного наследства» — полезно создавать прецеденты! Не полон именной указатель к сборнику: в нем встречаются неточности.

Тем не менее эти недочеты ни в коей мере не могут снизить общей положительной оценки рецензируемой книги. Благодаря высококвалифицированной и ответственной работе коллектива ученых, принимавших участие в ее подготовке*, читатели получили возможность познакомиться с замечательным ученым, интереснейшим и благородным человеком, каким был Владимир Андреевич Стеклов. Нет сомнения в том, что выход в свет этой книги привлечет внимание к его наследию и что нас ожидает встреча с другими его, забытыми, к сожалению, произведениями — такими, например, как биографии Галилея и Ломоносова, как его живые заметки о поездке за океан, рассуждения о роли математики в жизни человечества, как его удивительно интересные и все еще не опубликованные дневники и письма к зарубежным и русским коллегам.

В. Я. Френкель

* Составители и авторы комментариев — Е. П. Ожигова (Переписка) и В. С. Соболев («Воспоминания»); отв. редактор В. С. Владимиров.

Л. А. Маркова. Конец века — конец науки? — М.: Наука, 1992. — 136 с.

Заголовок рецензируемой книги содержит вопрос, и вопрос нешуточный, особенно для России и российских ученых, которым приходится сталкиваться с опасениями, что наука в России кончается. Но в книге Л. А. Марковой речь идет не об этих конкретных опасениях, а об изменении гносеологических характеристик и стиля мышления науки вообще. На вопрос, вынесенный в заголовок книги, дается ответ в ее заключении. В известном смысле действительно можно говорить о конце науки. «Мож-

но, — как объясняет Л. А. Маркова, — в том смысле, что классическая нововременная наука с ее основными характеристиками уходит в подтекст, на периферию общественных отношений» (с. 128), и хотя она и не отрицается полностью, но существует уже не как доминанта, а как одна из возможностей познавательной деятельности. Формируется и приобретает все большее значение иной тип познавательного отношения к миру. Если классическая наука стремилась к объективности, что означало иск-

лучение из знания всех субъективных характеристик, то новый тип познавательной деятельности характеризуется изменением направленности познания от предмета на субъект познания. Обоснованию этой мысли и посвящена книга Л. А. Марковой.

Само же обоснование разворачивается следующим образом. Л. А. Маркова обращается к процессам, происходящим в современной историографии науки и техники, стремясь показать происходящие в них изменения. В гл. I рассматривается соотношение современной философии, социологии и историографии науки. В гл. II анализируется современная форма историко-научных исследований — *case studies*, — или, как попросту пишет Л. А. Маркова, «кейс-стади». На ряде примеров из западной литературы последних лет (К. Кнорр-Цетина, П. Форман, Т. Пинч) показывается специфика и глубинный смысл *case studies*, подразумеваемые ими концептуальные преобразования в понимании науки. В гл. III показывается, как данные преобразования меняют смысл понятия научной революции и его место в историко-научных исследованиях. Материалом рассмотрения является опять-таки современная западная литература по философии и истории науки. В гл. IV автор обращается к последствиям НТР, компьютеризации и информатизации и их значению для философии науки и техники. Показывается, что в историографии науки и техники идут параллельные и взаимосвязанные процессы. На протяжении всей книги Л. А. Маркова подчеркивает, что подход к науке в рамках позитивистской философии, социологии и историографии науки соответствовал подходу классической науки к своему объекту. Она проводит параллель между меняющимся подходом к своему предмету в современной рефлексии о науке и отношении к своему предмету в неклассической науке. Отсюда, собственно, и делается вывод, что в наши дни наука меняет свой характер, и в этом смысле наука кончается. Но посмотрим на ход рассуждений Л. А. Марковой более подробно.

Изменения в современной философии, социологии и историографии науки видны невооруженным глазом любому человеку, знакомому с соответствующей литературой, и воспринимаются обычно как свидетельства отсутствия каких-либо теоретических парадигм, понижения уровня теоретической рефлексии, утверждения неприязнительной фактографичности и описательности. Описывая эти процессы, Л. А. Маркова, в частности, фиксирует внимание на том обстоятельстве, что сейчас стало подчас просто провести грань между исследованиями по философии, социологии и истории науки. Данная тенденция особенно наглядна в случае так называемых *case studies* (исследованиях отдельных событий истории науки или техники). Философия науки отказывается от чисто гносеологического или логического анализа процесса научного познания, убедившись в недостаточности такового. Она обращается к генезису науки, к социально-психологическим аспектам ее существования и, стремясь к более точному и конкретному исследованию, переходит в конце концов к *case studies*, становясь не отличимой от историографии науки. Социология науки

больше не собирается ограничиваться социальными аспектами функционирования науки, но включает в свою сферу само научное знание, пути его получения, процессы обоснования и принятия научным сообществом, т. е. то, что, собственно, согласно классическим представлениям, составляло его объективность, что было противоположно всему субъективному, в том числе и социально-психологическим детерминациям. И, стремясь к более конкретному, точному описанию всех этих процессов и взаимопереплетения в них логического, психологического, социального, социология науки также приходит к *case studies*. И для истории науки наших дней характерен переход к, так сказать, «малым формам», в результате чего начинает доминировать *case studies*. Рассматриваемые *cases* суть малые по объему события. Это отдельный текст, конференция, открытие в определенной лаборатории и т. п.

Переход к «малым формам» в историографии науки, как показывает Л. А. Маркова, не в последнюю очередь связан и с ослаблением интереса к проблематике научных революций. Это — тоже симптом глубоких концептуальных изменений, происходящих в современной философии, социологии и историографии науки. Проблема научных революций иницировала такие глубокие изменения в понимании науки и в отношении к ее прошлому, что в итоге само понятие «научная революция» потеряло свою определенность. В современной рефлексии относительно науки реализовался отказ от убеждения, что последняя по времени научная теория является единственно верной. В силу этого, как подчеркивает Л. А. Маркова, «на передний план выдвигается представление о сосуществовании прошлого с настоящим. При этом сосуществование предполагает не идею снятия, когда прошлое, утрачивает все свое своеобразие и просто поглощается настоящим, а равноправное сосуществование» (с. 81); и при таком понимании научная революция лишилась своего отличительного признака «разрушения старого». Так что неудивительно падение интереса к научным революциям в 70-е — 80-е гг. В системе новых представлений о науке, ступком которых Л. А. Маркова признает *case studies*, данное понятие лишается смысла и определенности.

Кейс-стадиис сосредотачиваются на уникальном, неповторимом, невоспроизводимом в других условиях событии. Играет свою роль и строгая ограниченность этого события в пространстве и времени. Это делает его обозримым и обеспечивает конкретность и полноту рассмотрения. Внимание исследователя сосредотачивается на том, что отличает данное событие от других, а не на том, что является общим для любых событий истории науки, характерным для науки как таковой. Кейс-стадиис порывают с традиционным разграничением научных проблем и черт научной деятельности. Философы науки могли по отдельности обсуждать проблемы творчества в науке, проблемы обоснования, роль дискуссий, специфику научного эксперимента, влияния социокультурных факторов и т. д. Они выделяли: вот это контекст открытия, а это — контекст обоснования, вот это — внутренние факторы развития науки, а это —

внешние. Для *case studies* же характерен синкретизм. Все черты и стороны события предстают в своей неразрывной связи и специфической констелляции. Как объясняет Л. А. Маркова, «ситуационные исследования сочетают в себе, что очень важно, синкретичность, универсальность и локальность, точность, легко обозримую предметность анализируемого события» (с. 63). «Элементарная клеточка исторической реконструкции — событие — элементарно своей целостностью, оно фокусирует в себе весь мир, и прошлое, и настоящее» (с. 87).

В то же время авторы подобных исследований считают, что их выводы имеют в каком-то смысле всеобщий характер. Они, таким образом, продиктованы отнюдь не установками голого эмпиризма и описательности. В них, — подчеркивает Л. А. Маркова, — можно увидеть, пусть не оторефлексированное самими авторами, тяготение к неким новым формам философской всеобщности. «Элементарное событие не приобщается к какому-то всеобщему, находящемуся вне его, а наоборот, это всеобщее обнаруживается в нем самом» (с. 68).

В чем суть этой новой формы всеобщности? Автор не предоставляет каких-то явных объяснений и дефиниций. Может быть, эти формы могут быть только предьявлены, показаны, но не сформулированы в явном виде? Пытаясь для себя эксплицировать эту идею, я представляю себе, что любой подлинно глубокий роман, описывая отдельные конкретные события в жизни отдельных конкретных людей, раскрывает нечто такое, что присуще любому человеку, обогащая и углубляя наше знание человеческой природы, ибо она неисчерпаема, но в каком-то смысле присутствует в любом человеке. Сходным образом, по-видимому, *case studies* обнаруживают в многогранном конкретном событии нечто, но — присущее чему? Науке как таковой? Это, пожалуй, самый сложный вопрос. Если понимать науку в терминах «научной рациональности», если отделять «внутринаучные» факторы от «внешних», посторонних ей, то наука будет допускать четкое определение, но никак не обладать неисчерпаемым многообразием свойств и связей, которые будут приоткрываться каждым конкретным *case studies*. Скорее, и *case studies*, как хороший роман, раскрывает для нас одно из определений человеческой природы, как она проявляется в таком важном и существенном для людей виде деятельности, как научное познание.

Это возвращает нас к высказанной Л. А. Марковой мысли о переключении направления как современной науки, так и исследований научного познания с его предмета на его субъект. Происходит формирование нового образа науки — а для его выражения нужны и новые средства. Новое понимание характеризуется отказом от идеи объективной истины и объективной реальности; от представлений о кумулятивном и прогрессивном развитии науки в соответствии с принципами логики; тягой к индивидуальному и особенному в отличие от стремления к обобщению, которое позитивистская методология науки разделяла с классическим естествознанием; плюрализмом, т. е. признанием постоянного сосуществования в науке различных точек зрения. В общем,

«научное знание изображается перенасыщенным субъектными характеристиками» (с. 6). Речь идет о том, что и рефлексия по поводу науки, и сама наука начинают признавать в результатах научной деятельности не объективные (насколько это возможно) образы вне и независимо от человека существующей реальности, но и «свое другое», т. е. свой способ понимания реальности, с которой люди взаимодействуют. Наука, таким образом, говоря о фрагменте реальности, являющейся ее предметом, показывает способ мышления и действия конкретных людей, создававших, изучавших, понимавших и использовавших науку и ее результаты.

Каждый объект ситуационного исследования выступает как целостный и конкретный «атом». Он самодостаточен. Но в силу этого история науки, складывающаяся из отдельных *case studies*, лишается непрерывности, становится всюду разрывной, — именно из-за того, что каждый эпизод во всей его уникальности не редуцируется, не снимается в последующем развитии науки, но несет в себе особую истину, нигде и никак иначе не выразимую. Однако, рассуждает дальше Л. А. Маркова, мы не обязаны останавливаться на всюду разрывной истории науки. В каждом конкретном событии реально участвуют результаты прошлой научной деятельности и формируются образования, которые так или иначе позднее будут включаться в другие события научной истории. Поэтому любое событие переключается с другими, или, как говорит Л. А. Маркова, общается с ними. Потенциал общения любого события неограничен. Сколь многогранно событие, столь многогранно и его «общение». Творчество Галилея может быть рассмотрено в диалоге с классической или квантовой физикой. Его идеи не редуцируются ни к той, ни к другой, но в каждом из актов «общения» высвечиваются все новые их грани. — как и аспекты классической и квантовой физики.

«...И прошлое событие, и современное в равной степени перестраиваются в результате «общения» друг с другом» (с. 70), что оценивается Л. А. Марковой как «равноправие» прошлого и современности в *case studies*. Такое «общение» противопоставляется ею «обобщению» — методу философии, подражающей классической науке.

Интересным и новым для наших философских размышлений над наукой является обращение Л. А. Марковой к проблемам современной техники и ее истории. В сфере последней она констатирует протекание тех же процессов, что и в философии, историографии и социологии науки: «Повышение внимания к уникальности, невоспроизводимости неизбежно сопровождается отказом от линейных моделей развития техники. Для изучения выбираются определенные ситуации, фокусирующие в себе чисто технические, а также социальные, субъективные, научные и прочие характеристики. Все эти характеристики изображаются как составляющие одного-единственного события, понимаемого в его целостности» (с. 117). Выражением данных тенденций в историографии техники также становится *case studies*.

Процессы, происходящие в философии и

историографии науки, Л. А. Маркова связывала с процессами, происходящими в самой науке, с ее гуманитаризацией и отходом от норм и методов классического естествознания. Процессы, происходящие в историографии техники, также рассматриваются ею в неразрывной связи с современной НТР, ведущей к гуманитаризации техники, децентрализации производства и — благодаря информатизации и компьютеризации — включению техники в контекст культуры и в структуру человеческих отношений. Конечно, описание подобных сдвигов в характере техники и ее отношения к человеку опирается в основном на привлечение западных источников, что и понятно. Пока нам приходится принимать на веру, что все происходит именно так и ведет именно к гуманитаризации техники. Доживет ли нынешнее поколение наших людей до того, чтобы проверить это на собственном опыте?

Рассматриваемое в *case studies* событие можно «охарактеризовать как некую воронку... в которую втягиваются и предшествующие события, и последующие, хотя предмет изучения... «теперь», пусть даже это «теперь» и относится хронологически к прошлым векам» (с. 64); «каждое событие в любой момент времени изучается как средоточие всей истории» (с. 69). Прошлое не отменяется настоящим, но они как бы вступают в диалог, в общение друг с другом — при посредстве исследователя, историка или философа науки. Но тут у меня появляется вопрос. Если «общение» — это метод философии науки, то и противопоставляемое ему «общение» также есть метод из арсенала рефлексии над наукой. События сами по себе не «общаются». Общению мешало бы, в частности, то, что, как признается современной рефлексией над наукой, «в каждой лаборатории создается своя реальность» (с. 7). Ведь общение требует общего языка, некоторого согласия в суждениях и следования общим правилам коммуникации. (Можно постигать всю глубину идей Галилея в «общении» его с Ньютоном или Эйнштейном, но, пожалуй, не с Хемингуэем и не с Хайдеггером.) Значит, наука сохраняет известную определенность и ограниченность как система некоторых правил? Эта тема уходит в монографии Л. А. Марковой на задний план.

События — объекты *case studies*, как они описаны в книге Л. А. Марковой, напоминают монады Лейбница. Подобно тому как монада есть зеркало Вселенной, любое событие оказывается зеркалом всей науки. Однако монады «не имеют окон». Но и события в собственном смысле слова не «общаются». «Общение» — это способ, каким данный историк науки подходит к данному эпизоду истории науки. «Не имеющая окон» монада оказывается зеркалом Вселенной в силу гармонии, предустановленной Богом, — а вовсе не ею самою. А событие — в силу предустановленной позиции историка или философа науки. Это он оказывается «воронкой», в которую втягивается и прошлое, и настоящее науки, это он в своем исследовании научного события еще раз открывает свою многогранность, цельность и неисчерпаемость. Историко-научное знание, как оно описывается в рецензируемой книге, в очередной

раз обнаруживает, что оно является скорее образом субъекта, чем объекта (впрочем, не о том ли шла речь — научное знание гуманитаризируется?) Гуманитаризация — вещь, конечно, хорошая, но разве от науки не продолжают ожидать все-таки образа объекта, а не субъекта? И есть ли у такой гуманитаризированной науки малейший шанс на получение финансирования? По-видимому, нет, — и в этом смысле действительно можно говорить о конце науки. Но что если тезис о гуманитаризации и гуманитаризации современной науки (и ее историографии) связан с тем, что в своей рефлексии философия науки поставила самое себя на место своего объекта и рассказывает не о науке, а о себе, о своей жажде обретения уникальности и неповторимости, о своих поисках цельности, о желании приложить к собственной деятельности и окружению предикаты «гуманитарности» и «гуманизированности»?

И это заставляет нас задуматься над степенью оправданности авторских выводов. Л. А. Маркова фиксирует изменение образа науки в философской рефлексии, но насколько допустимо заключать отсюда к изменению характера самой науки? Я думаю, что философская рефлексия отражает в первую очередь изменение образа и ценности науки в культуре, а также изменения в рефлексии самих ученых. Они, конечно, не могут не отражаться на функционировании науки. Однако я не могу согласиться с рассмотрением отношения между научной деятельностью и разными уровнями рефлексии по ее поводу (самих ученых, обывательного сознания, философов) как простым отражением одного — другим. Не могу просто так отказаться от Марковского учения о «превращенных формах сознания», от учения Гуссерля о «натуралистическом заблуждении», свойственном естественным наукам, от учения Витгенштейна о «языковых ловушках», в которые попадают рефлексизирующие математики, ученые, философы. И все эти и многие другие известные в истории философии учения не позволяют непосредственно переходить от изменения образа науки к изменению характера самой научной деятельности.

Далее, если допустить, что гносеологические черты научной деятельности меняются, можно ли говорить, что наука кончается? Попробуем рассуждать на примере. Современная генетика, широко использующая методы наук о неживом — физики, математики, химии, — изменила облик биологии. Означает ли это, что биология тем самым кончилась? Утверждение, что генетика есть конец биологии, обладает привлекательностью эпатажа, не говоря уже о том, что оно будоражит воображение. Взглянуть на дело с новой, неожиданной точки зрения всегда полезно. Ну, а дальше?

Подытоживая свое впечатление от рецензируемой книги, я могу сказать, что автор выстраивает свой образ науки и способов ее описания. Образ яркий, целостный, впечатляющий. Трудно хотя бы на время не попасть под его обаяние. Но я не уверена, что на его основе можно дать определенный и доказательный ответ на вопрос, озаглавивший данное исследование.

